

А.М. Авласович
г. Могилёв, МГУ им. А.А. Кулешова, Беларусь

О ПОГРЕБЕНИЯХ У СТЕН СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОГО ХРАМА г. МОГИЛЁВА

В 1991 году архиепископом Могилёвским и Мстиславским Максимом (Крохой) было принято решение об укреплении фундамента северной стены Никольского храма в г. Могилёве. В ходе строительных работ были обнаружены многочисленные человеческие останки (более сотни костяков). После обнаружения погребений владыка направил запрос в Комитет государственной безопасности. В пришедшем официальном ответе сообщалось, что каких-либо документов по данному факту не обнаружено, а также было высказано предположение, что останки принадлежат погибшим в годы Великой Отечественной войны.

С этого времени на страницах периодических изданий и краеведческой литературы начинают появляться разнообразные версии, объясняющие происхождение захоронений. Первая из них была выдвинута в том же 1991 г. могилёвским краеведом И.И. Филиповичем. Автор связывал данные захоронения с трагедией 1942 г. на р. Дубровенка. Вторая версия появилась уже через год, и согласно ей останки принадлежат жертвам сталинских репрессий 30-х гг. прошлого века. Однако в нашем распоряжении находится и научное объяснение данного факта, подкреплённое археологическими исследованиями.

Согласно версии И.И. Филиповича, данные захоронения произведены после апрельского взрыва на реке Дубровенка в 1942 г. Отметим, что И.И. Филипович сам являлся очевидцем этого происшествя. По его свидетельству 4-5-метровый вал воды нёс людей, скот, дома, льдины. Краевед также говорит о том, что после спада воды у Свято-Никольского монастыря и на его территории оказались тела утопленников, которые и были здесь похоронены. При этом особого внимания заслуживают следующие строки автора: *«Мы не знаем, почему они не были похоронены на кладбище. Но их, как русских православных людей, очевидно, с ведома немецкой комендатуры, городское управление решило упокоить под стенами храма»* [б. с. 136]. Определяющим здесь словом является *«очевидно»*, – то есть Филипович всего только высказывает предположение, откуда на территории монастыря могли появиться данные захоронения. Также возникает вопрос, каким образом тела утопленников

могли появиться у стен Никольского монастыря, который стоит выше по течению, нежели место впадения Дубровенки в Днепр?

Но при этом краевед справедливо отмечает, что обнаруженные захоронения не могут принадлежать жертвам немецких душегубок, т.к. оккупанты хоронили тела убитых вдали от места проживания людей, а не в жилом районе под церковью [6, с. 136]. Данное утверждение опровергает предположение, содержащееся в упомянутом ответе КГБ на запрос владыки Максима. Также следует отметить, что нацисты традиционно хоронили убитых в общих могилах, а у стены церкви захоронения были обнаружены в индивидуальных ямах.

Однако, не смотря на всё это, существует совершенно иная и более известная для могилёвской общественности версия. Общеизвестен тот факт, что Никольский монастырь был закрыт в 1934 г., а в 1936 – 1937 гг. здание храма использовалось в качестве пересыльной тюрьмы. Уже через год после обнаружения останков в редакцию одной из могилёвских газет зашёл пожилой мужчина, который представился Мартыном Фёдоровичем Малиновским, 1914-го года рождения, житель д. Сухари, который в 1937 г. был узником в упомянутой пересыльной тюрьме. Ранее в этой же газете был опубликован список репрессированных в 1920 – 1950-е гг. граждан, среди которых Мартын Фёдорович себя не нашёл. По этой причине Малиновский и нанёс визит в редакцию.

Свидетель рассказал о том, что в 1937 г. его забрали в армию, часть в которой он служил, находилась в районе Бельнич. Его и ещё нескольких красноармейцев послали на стрельбище «цеплять на столбах проводку». Некоторое время спустя появился посыльный, который передал старшему записку, после прочтения которой красноармейца направили в штаб. В штабе же командир направил Малиновского в Могилёв с целью приобретения канцелярских товаров, однако в городе молодого бойца уже ждали люди из НКВД. После допроса безвинный солдат был избит и потерял сознание. Таким образом, по сообщению М.Ф. Малиновского, он попал в пересыльную тюрьму на Подниколье. Со слов свидетеля также стало известно, что в здании храма располагались нары в три яруса, а также что *«Люди умирали, и конвойные приносили лопаты и заставляли нас рыть глубокие ямы прямо в церкви. Когда мёртвых стало больше, стали выносить наружу. Куда там девали их, не знаю»* [7, с. 4]. Данное свидетельство, как утверждает всё то же могилёвское издание, записано со слов свидетеля. Таким образом, в повествовании М.Ф. Малиновского нет конкретного указания на то, что заключённых тюрьмы закапывали у стен храма.

Детально изучая данный вопрос, мы обратили внимание на то, что в источниках содержатся сведения об одном и том же событии, однако, происшедшем в разных годах. В 1992 г. (по другим сведениям в 1996 г.) в

монастырь зашёл пожилой мужчина, который попросил аудиенцию с владыкой Максимом [4, с. 38; 5, с. 28-29]. Пришедший представился Мартином Федоровичем Малиновским, 1914-го года рождения, жителем д. Сухари, служившим в 1937 г. в воинской части в районе Бельнич. Не вызывает сомнений, что перед нами один и тот же человек. Однако и здесь имеется расхождение – если в редакцию газеты пришёл Мартын Малиновский, то на беседе с владыкой Максимом был Мартин Малиновский (возможно, опечатка) [1, с. 603; 4, с. 38; 5, с. 28]. Свидетель рассказал, что в храме рядами стояли двухъярусные нары, в то время как в газетной статье говорится о трёхъярусных нарах [4, с. 38; 7, с. 4]. Само помещение не отапливалось, и многие заключённые замерзали прямо во сне. Слабых и тяжелобольных добивали штыками, после чего трупы закапывали прямо в храме [4, с. 38]. В беседе с владыкой М.Ф. Малиновский поведал о том, что по этапу был направлен в Сибирь, откуда ему чудом удалось сбежать [4, с. 38]. Подобных деталей не содержится в беседе, записанной корреспондентом в редакции газеты, а указывается лишь «*Выжил я и надолго загрел костями по этапу*» [7, с. 4].

На наш взгляд, это достаточно значительные расхождения для рассказа одного и того же человека.

Изучение свидетельств и публикаций по данному вопросу выявило ещё целый ряд значительных расхождений в известных версиях. Так, популярно высказывание о том, что большинство найденных черепов имеют пулевые отверстия, либо повреждения, нанесённые острым предметом [1, с. 603]. И только краевед Филипович заявляет: «*на них не было видно следов насильственных физических повреждений*» [6, с. 136]. С другой стороны, многие издания содержат фотографию черепов, на которых действительно просматриваются совсем небольшие круглые отверстия, но расположены эти «пулевые отверстия» в макушечной области. Такое расположение отверстий, конечно, можно объяснить контрольными выстрелами, однако всего пару черепов имеют такие отверстия, в то время как на остальных нет никаких повреждений.

В литературе также утверждается, что М.Ф. Малиновский указал на алтарную часть, которая была вскрыта и где также были обнаружены человеческие останки [5, с. 29]. В нашем распоряжении находятся только лишь свидетельства рабочих и владыки Максима, со слов которого под полом храма были найдены захоронения. Среди них находились останки женщины в сидячем положении с маленьким ребёнком на руках, который ко всему был распростёрт на досках с гвоздями [5, с. 29]. После таких свидетельств создаётся впечатление о полной бесчеловечности коммунистического режима в первой половине XX века в СССР. Однако в Актовой книге Могилёвского ма-

гистрата под 1654 г. содержится запись о том, что тяжелобольная могилёвская мещанка Мария Ивановна отписала своему мужу «*пояс сребрънозлочистый*» с тем условием, что бы он «<...> похорвал вод-луг способу хрестиянского <...> А положил в церкви Святого Николы подле больного дитяти. Которое сама оком своим место оно оглядала» [2, с. 275].

Что же касается других захоронений в алтарной части, то испокон веков до XVIII века священнослужителей и людей высокого социального положения было принято хоронить прямо в храме. Так, к примеру, в 1612 г. Ян Сапега завещал: «... *няхай мяне пакладуць у касцёл або ў капліцы*» [2, с. 274]. Или завещание князя Фёдора Масальского (1617 г.): «*тело мое грешное абы по смерти моей поховано было в церкви моей в Олексичах, в Старом Дворе, заложенъе Святого Спаса, в склепе, где и тело першое малжонки моее лежитъ*» [2, с. 274]. Относительно Никольской церкви известно, что в храме в 1899 г. был похоронен настоятель Евфимий Бекаревич, тело которого находится в обители и по сей день. К слову, его захоронение также было обнаружено в алтарной части.

В свете этих взаимоисключающих версий встаёт вопрос об истинном происхождении погребений. Ответ на этот вопрос даёт наука археология.

В 1980 и 1984 – 1985 гг. штатными археологами БРПИ И.М. Чернявским и О.А. Трусавым проводились археологические раскопки на территории архитектурного комплекса Николаевского монастыря. При исследовании культурного слоя между Онуфриевской и Николаевской церквями, на глубине 1,1–1,2 м были обнаружены погребения, относящиеся ко времени не ранее XVII в. [3, с. 149] В раскопе, заложенном перед главным фасадом Никольской церкви, под слоем битой черепицы было выявлено два погребения XVII в. Сложены они в виде арочного перекрытия из красного кирпича. В 1984 г. в шурфе № 1 в юго-западной части также выявлены останки скелета человека, восточнее, в шурфе № 2, также обнаружены индивидуальные захоронения [3, с. 149].

Неопровержимым доказательством того, что данные захоронения не имеют никакого отношения к сталинским репрессиям, а являются погребениями XVII – XVIII вв., служат находки фрагментов керамической терракотовой плитки XVII в. и полихромного изразца XVIII в., обнаруженных непосредственно на скелетах. Данные обстоятельства доказывают невозможность погребения жертв сталинских репрессий под нетронутым слоем кирпича XVII в.

По результатам двух лет раскопок исследователи пришли к выводу, что в XVII – XVIII вв. храм со всех сторон был окружён могилами. Отдельные из них сооружались в виде кирпичных склепов, основное же их количество представляло собой обычные погребения в ямах [3, с. 149-

150]. Традиция же хоронить умерших у храмов существовала издавна, и сохранялась вплоть до XIX столетия. В средневековом сознании человека земля у стен церкви – священная земля и быть похороненным на ней означало быть ближе к богу, а также получить больше шансов на искупление грехов.

Отметим, что ни при укреплении фундамента, ни при вскрытии пола внутри храма, археологи приглашены не были. Однако в скором времени место строительных работ удалось осмотреть И.А. Марзалюку (ныне профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой археологии и специальных исторических дисциплин МГУ им. А.А. Кулешова). Из устных замечаний учёного, следует, что костяки располагались на материке в индивидуальных могильных ямах, которые сверху перекрывает нетронутый культурный слой. У специалиста нет никаких сомнений в том, что обнаруженные человеческие останки относятся к XVII – XVIII вв. И.А. Марзалюк также отмечает, что в первой половине XX в. территория Подниколья имела более частую застройку, нежели сейчас. Исходя из этого, весьма сомнительно, чтобы в таком, достаточно заселённом районе расстреливали людей, тем более в стенах монастыря.

Немаловажным фактом является то, что в мае 1991 г., после обнаружения человеческих останков у стен Свято-Никольского храма в периодической печати появилась статья «Тайна Никольской церкви» [8, с. 2]. Вследствие чего в порядке уточнения, прокуратурой Центрального района г. Могилёва, за подписью А.С. Башкова было возбуждено уголовное дело в связи с обнаружением человеческих останков на территории Никольского монастыря [4, с. 36]. Нас в первую очередь заинтересовало, к какому выводу пришло следствие, заключение судмедэкспертов, а также показания свидетелей.

Автору настоящей статьи удалось встретиться и побеседовать со следователем, который вёл это дело – И.Б. Прошко. Из беседы стало известно, что следствие было прекращено за отсутствием событий преступления. И, к сожалению, по прошествии срока давности уничтожено. Однако, что касается исследования останков то, по сообщению И.Б. Прошко, судмедэксперты не пришли к какому-либо выводу о насильственной смерти. Сам следователь, рассуждая над вопросом, сказал: «Я не думаю, чтобы расстрелянных добивали штыками в голову – это весьма сомнительно. Черепа могли повредить и сами рабочие». Также следователь не припомнит того, чтобы в отчёте судмедэкспертов речь шла о пулевых отверстиях. Также верность нашего утверждения подтверждает тот факт, что судмедэкспертами не были обнаружены пули при исследовании черепных коробок. На месте строительных работ также ничего подобного не встречено. Отметим также, что нет и намёка на

какие-либо элементы одежды (пряжки ремня, пуговицы и т.д.), которые за полвека никак не могли раствориться в земле.

Что же касается показаний свидетелей, то следствие получило целую массу новых версий, неподкреплённых ничем, кроме фантазии опрашиваемых и слухов им известных. Таким образом, следствие не установило достоверных фактов о насильственной смерти.

При анализе версии о расстреле заключённых следует учитывать социально-политическую ситуацию, при которой она появилась. А это, прежде всего, развал великой социалистической державы и крах коммунистической идеологии. Огласке свободно стали предаваться известные преступления коммунистов. В это время были выявлены места массовых захоронений расстрелянных в Куропатах и в Могилёве в районе мясокомбината. На этой волне и обнаруженные кости у Николаевской церкви были приписаны к делу рук коммунистов.

Анализ приведённых фактов позволяет сделать следующие заключения:

1. Версия о погребении на территории Свято-Никольского монастыря утопленников 1942 г. не имеет под собой доказательной базы, и строится лишь на предположении краеведа И.И. Филиповича.

2. Свидетельства о захоронении здесь заключённых пересыльной тюрьмы имеют ряд расхождений, они не подтверждены ни результатами судмедэкспертизы, ни заключением следствия.

3. Археологические исследования на территории монастыря позволяют снять с данного вопроса ярлык политической окраски и доказать его сугубо культурно-историческую основу: найденные у стен Никольского храма останки людей являются христианским погребениями XVII – XVIII вв.

Автор настоящей статьи выражает благодарность И.А. Марзалюку и А.Г. Башкову за оказанную помощь в поиске истины.

Литература:

1. Борисенко, Н.С. Могилёвщина – мой любимый Приднепровский край (сборник экскурсий). Части I – II. / Николай Борисенко. – Могилёв: Могилёв. обл. укрупн. тип., 2007. – 832 с.
2. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.): манаграфія. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2002. – 324 с.
3. Марзалюк, І.А. Магілёў у XII – XVIII стст. Людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Магілёў-Мінск: Веды, 1998. – 260 с.
4. Свято-Никольский женский монастырь г. Могилёва, 2006. – 200 с.
5. Тимофеенков, П. Историческое обозрение монастырей Могилёвской епархии: диплом. раб. студ. V курса / П. Тимофеенков. – Жировичи, 1998.
6. Філіповіч, І.І. Міфы і прада аб Магілёве / І.І. Філіповіч. – Магілёў, 1993. – 142 с.
7. Юшкевич, В.В. Никольской церкви закапывали трупы // Вестник Могилёва – 29 мая. – 1992. – С. 4.
8. Юшкевич, В. Тайна Никольской церкви // Вестник Могилёва, 23 мая 1991. – С. 2.